

* * *

После возможности достижения высоких нот однажды, мне казалось, что мир изменился. Я мог петь песни, которые не мог раньше, и песню по музыкальному согласию, которую я должен был тайно петь фальцетом, можно было исполнить без проблем.

Да, мне не хватало дыхания, и я быстро начинал задыхаться, но всё же.

Именно тогда, когда я бегал вокруг, как жеребёнок, сорвавшийся с поводка, у нас в певческой капелле возникла проблема.

- Мисс! Разве наша теноровая часть не была странной?

Я видел, как Ким Дон Сик поднял руку и нахмурился. Наблюдая за этим, я сказал:

- О нет! - и уставился на учителя Хон Ю Чин дрожащими глазами.

Учительница, отвечавшая за певческую капеллу, Хон Ю Чин была глубоко погружена в размышления.

- Ммм...

Певческая капелла.

Будучи миссионерской школой, они служили мессу каждую среду. Это было похоже на обычное богослужение, но иногда в роли церковного хора будет выступать первый класс, потом второй класс и так далее. Сегодня был день, когда ученики десятого класса собирались на хоровое пение и...

В любом случае, это была проблема.

Я опустил глаза и притворился, что не являюсь частью коллектива, когда вокруг стало шумнее.

- А сейчас это было странно?

- Даже не знаю. Может быть, так оно и было.

- Это определённо было так. Это было действительно довольно раздражающее звучание.

Учительница шлёпнула указкой по своей ладони.

- Тише! Человек должен был бы почувствовать это сам, если возникла проблема. Кто-нибудь думает, что это был он? Или мы должны попробовать ещё раз только с тенорами?

Глядя на неё, оглядывающей теноров, казалось, что она тоже понимает, в чём проблема. Ну, это действительно смущает.

Тенор.

В десятом классе в качестве тенора выступали я, Ким Дон Сик и ещё один парень со скрипичного отделения. У нашего класса была нехватка басов, поэтому Чон Си Хёк пошёл в бас.

И так, оставались трое.

Когда все взгляды обратились к нам троим, я почувствовал, как с моего тела капает холодный пот.

"Я слишком много выпендривался, потому что всё шло так легко".

В некоторые дни, когда я пел с хором, бывали такие проколы.

Дни, когда вы бывали в отличном состоянии. В эти дни люди иногда забывали о себе и из-за высокого напряжения начинали... халтурить, и тогда возникал так называемый феномен "выпендрежа".

- Эх...

Я уже собирался со вздохом поднять руку, когда Чон Си Хёк рядом со мной поднял свою руку.

- Только Чо Юнчэ пел по-другому.

Все взгляды устремились на меня.

- Ах...

Я почувствовал, что мои щёки покраснели. Бросив взгляд в сторону, я увидел, что Чон Си Хёк злобно скрестил руки на груди. Когда наши взгляды встретились, он слегка приподнял брови, давая понять, что сказал чистую правду.

Учительница Хон Ю Чин пронзила меня несколько холодным взглядом.

- Неужели это так?

- ... Да.

Я признал это, не скрывая, так как это действительно была моя вина. Только я собрался облизать губы с мыслью, что мне больше не следует выпендриваться, учитель Хон Ю Чин бросил несколько неожиданных слов.

- Тогда попробуй спеть ещё раз в той же манере. Это хорошо, потому что я собиралась сказать, что вы не должны петь, как во время хора.

Её бегающие глаза, обращённые ко мне, казались злобными. Что? Почему эта учительница, кажется, ненавидит меня?

"Может быть, я сделал что-то не так?" - подумал я, но она была кем-то, кого я никогда раньше не видел.

Почёсывая в затылке, я понял, что у меня не было другого выбора, поэтому я снова перевёл взгляд на гимн в книге.

Гимн, номер двести сорок два.

Мои глаза быстро пробежались по партитуре.

"Довольно высоко для гимна".

Что касается тенора, то нота вырвалась из-под палок и висела высоко в воздухе. Если считать по номерам, то это была цифра F4. F4 была редкой высокой нотой для теноровой партии в гимне. Именно такие мысли роились в моей голове, пока я думал о партитуре.

"F4, разве это не та нота, которую я не мог пропеть во время испытания по чтению?"

Эта партия, от которой я отказался, сказав, что не могу достать ноту, сразу после поступления. Как будто сделав вывод по моему следу мысли, учительница открыла рот.

- Хорошо, тогда три тенора, мы начнём с части "Пожалуйста, спаси нас". Три, два, один.

Наблюдая, как учительница Хон Ю Чин взмахнула рукой и начала дирижировать, я глубоко вздохнул.

"Другого выхода нет".

Поскольку дирижёр приказал спеть то же самое ещё раз, я ещё раз покажу себя – со всем, что могу. Просматривая их, я проверил музыкальный стан.

Нет.

Быстрый, медленный, сильный, мягкий, непрерывный или отдельный. Там не было никаких музыкальных записей от композитора, говорящего "пожалуйста, спой эту песню вот так". Это означало, что мы можем петь всё, что захотим.

"Как бы нам ни хотелось..."

Глубокий вдох наполнил желудок. Когда рот открылся, он создал большое пространство для резонанса и удержания его, я сосредоточил своё внимание на проводнике, стоящем впереди.

Полная подготовка.

Когда учительница опустил руку, я открыл рот:

- Пожалуйста, спаси нас от... страданий.

Теноровая часть.

Три голоса, поющие эту короткую фразу, замолчали, и аккомпанемент тоже прекратился.

- Эм...?

Когда я мысленно кивнул, довольный тем, что вот-вот правильно возьму ноту F4, учительница Хон Ю Чин ошеломлённо уставилась на меня. Почему эта учительница такая, разве она не дразнила меня, потому что знала, что я выпендриваюсь?

Не заботясь об этом, ученики десятого класса спорили сами с собой.

- Что-то тут не так.

- Разве звук не был чистым?

- Высота и ритм правильные...

- Да, и высота, и ритм правильные, так почему же это так странно?

Странный. Правильно, именно такое ощущение должно было возникнуть из-за того, что сам звон был плохим. Я чувствовал себя немного не в своей тарелке, оставляя дисгармонию позади – хор, который приходит к неудобному заключению.

"Когда же это кончится?" – подумал я, оглядываясь вокруг, но ни один из них, похоже, не смог придумать достойного ответа. Учитель Хон Ю Чин только что пробормотала что-то, глядя на меня, и когда я взглянул на Ли Со А, она подняла брови и губы, по-видимому, не желая делать шаг вперёд.

В то мгновение, когда даже несколько ведущих оперных спецов закрыли свои рты, учительница Хон Ю Чин наконец пришла в себя. Покачав головой и вернув себе нормальное выражение лица, она открыла рот.

– Кхм. Вы ведь слышали, да? Ребята, и ритм, и высота были правильными, но это не было похоже на припев. Так что же было не так?

То, что она быстро превратила эту проблему в форму урока, было вполне естественно. Чон Си Хёк поднял руку в ответ на вопрос учительницы.

– А не потому ли, что вокализация другая? Мы узнали, что существует другой метод вокализации на уроках музыкального согласия.

Его глаза смотрели прямо на меня, и это было похоже на ответ, адресованный мне. Однако учительница Хон Ю Чин покачала головой.

– Чон Си Хёк, это неправильно. Все трое пели правильно, в правильной вокализации музыкального согласия. У кого-то есть другие предположения?

– ...

Учительница, смотревшая на меня с сомнением в глазах, кисло спросила:

– Чо Юнчэ. Ответить на него. Насколько твой голос отличался от других студентов?

Открыв и закрыв свой рот из-за странного чувства смущения, я сдался из-за постоянных уговоров учителя и заговорил.

– Я думаю, что была разница в анализе.

Пытаясь уйти от темы, я использовал неопределённые слова, но учитель Хон Ю Чин неудовлетворённо нахмурилась и, подняв брови, спросила:

- Конечно, анализ был другим, что и послужило поводом для звука. Я спрашиваю тебя, на чём ты основывал этот анализ.

- ...

Основывал.

Услышав это, я отчасти понял намерение учительницы. "Основа" - это слово, которое часто использовалось, когда я получал и давал уроки. Из-за того, что музыка фундаментально взаимосвязана с эмоциями, одна и та же песня и одна и та же партитура могут быть даны нескольким исполнителям и привести к совершенно разным, уникальным результатам.

Однако это не означало, что можно петь буквально так, как хочется. Они должны были иметь какую-то основу для своего анализа.

Например, скажем, что есть тема "скорбь".

Слушая эту мелодию, некоторые могут вспомнить печаль разбитого сердца и петь с акцентом на "процесс влюблённости, разрыва и принятия его" и выразить скорбь таким образом. С другой стороны, некоторые могут думать о смерти своих близких, или, возможно, это может быть исполнено в форме сожаления, неудачи или беспомощности. Существовали сотни различных способов самовыражения.

Ты всё это понял, но правильно ли ты это выражаешь. Таков был вопрос, который задала учительница.

- ...

<http://tl.rulate.ru/book/39225/1014538>